

Бестселлер New York Times #1

ДЭВИД БОЛДАЧЧИ

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ЭКСПРЕСС

ГИГАНТ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА ОТКРЫВАЕТСЯ С НЕОЖИДАННОЙ СТОРОНЫ

В мире продано более 130 000 000 экземпляров романов автора

Дэвид Болдаччи. Гигант мирового детектива

Дэвид Болдаччи
Рождественский экспресс

«ЭКСМО»

2002

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Болдаччи Д.

Рождественский экспресс / Д. Болдаччи — «Эксмо»,
2002 — (Дэвид Болдаччи. Гигант мирового детектива)

ISBN 978-5-04-106147-0

Побитый жизнью журналист Том Лэнгдон не может путешествовать самолетами в результате неприятного инцидента в аэропорту. Поэтому ему придется добираться с восточного побережья США на западное поездом — чтобы встретить Рождество в объятиях подруги. Почему бы и нет? Отличный шанс проехать сквозь всю Америку, увидеть ее подлинную жизнь и сделать из этого хитовый материал! Однако поездка обернется чем-то совсем иным — путешествием по изрытым ухабами землям собственной души Тома. Его ждет череда совершенно неожиданных встреч, потерь и обретений, рождественские чудеса — и пробуждение к новой жизни...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-106147-0

© Болдаччи Д., 2002

© Эксмо, 2002

Содержание

Глава 1	6
Часть 1. «Кэпитол Лимитед», Вашингтон – Чикаго	10
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Дэвид Болдаччи

Рождественский экспресс

David Baldacci
The Christmas Train

© Никитин Е.С., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Посвящается всем, кто любит поезда и праздники

Глава 1

Журналист Том Лэнгдон объездил весь мир: любовь к странствиям была у него в крови. Другим такая жизнь казалась нестабильной и опасной, однако Том наслаждался свободой. Большую часть времени он проводил в зарубежных командировках, делая репортажи о войнах, восстаниях, голоде, эпидемиях и прочих бедствиях... Его цель была проста: Том надеялся изменить мир к лучшему, привлекая внимание к творящейся повсюду несправедливости. К тому же он обожал приключения.

Однако, несмотря на все описываемые ужасы, человечество продолжало скатываться все ниже, и Лэнгдон вернулся в Америку разочарованным. Он пытался найти противоядие от меланхолии в сочинении статей для дамских журналов, изданий о дизайне, садоводстве и т. д. Но даже узнав все о чудесах, на которые способны компостные удобрения, и как это потрясающе – собственноручно настелить деревянный пол, он ощущал неудовлетворенность жизнью.

Близились Рождество. Перед Томом стоял важнейший вопрос: ехать ли на праздники со своего Восточного побережья в Лос-Анджелес?

Причина стара как мир: в Лос-Анджелесе жила его подруга Лелия Гибсон. Она начинала как киноактриса и годами снималась в третьесортных ужастиках, а позднее стала голосом за кадром. Теперь Лелия зарабатывала на жизнь уже не тем, что ее резали перед камерой, а озвучкой разнообразных персонажей для чрезвычайно популярных утренних субботних мультфильмов. В детской телеиндустрии все знали, что никто не озвучит смешных зверушек талантливее и разностороннее, чем блистательная Лелия Гибсон. Доказательством тому служили уставленная наградами полка, неприличная цифра дохода и серьезная доля в правах на синдициацию¹.

Том с Лелией сблизилась во время ночного перелета из Юго-Восточной Азии в Штаты. Сначала он думал, что, возможно, дело в большом количестве выпитого ими спиртного, но, когда спустя пару часов после приземления в Лос-Анджелесе опьянение прошло, Лелия по-прежнему казалась привлекательной и интересной – пусть и слегка взбалмошной и эксцентричной. И она была увлечена им. Он переночевал у нее, и они сблизилась еще больше. Впоследствии Лелия приезжала к нему в гости на Восточное побережье, и с тех пор у них сложились приятные, хотя и свободные отношения.

Могло показаться странным, что делающая успешную карьеру голливудская дива остановит выбор на колесящем по всему свету мужчине, пусть и меняющем паспорта как перчатки и умеющем шутить (не всегда пристойно) на тридцати языках, но материально не обеспеченном. Однако Лелии надоели люди ее круга. Как она однажды тактично объяснила, все они – лживые и ненадежные абсолютные подонки, Том же репортер и хотя бы время от времени имеет дело с правдой. Кроме того, Лелия обожала его грубоватую наружность: глубокие морщины на лице расценивались как следствие репортажей среди суровых пустынных ветров и перестрелок. И в самом деле, ему ради безопасности нередко приходилось падать лицом в песок.

Она с восторгом слушала рассказы Тома о том, как он добывал материалы для громких статей по всему земному шару. Он, в свою очередь, восхищался профессионализмом, с которым Лелия делала карьеру своим потешным голосом. Кроме того, они не жили вместе круглый год, что, по мнению Тома, являлось большим плюсом: не надо решать проблемы, досаждающие всем живущим бок о бок парам.

Когда-то он был женат – недолго и без детей. Теперь его бывшая жена не желала и слышать о нем, даже истеки он кровью посреди улицы. Тому исполнился сорок один, его мать совсем недавно умерла от сердечного приступа, отца уже несколько лет не было в живых. Поскольку он был единственным ребенком, теперь он остался совершенно один. Одиночество

¹ Здесь: продажа программ сразу нескольким вещателям.

сделало его склонным к самоанализу. Уже половина отмеренного земного срока истекла, а все, чем Том мог похвастаться, – неудачный брак, отсутствие наследников, неофициальные отношения с королевой озвучки из Калифорнии, куча газетных материалов да несколько наград: жалкие крохи по любым меркам.

Ему выпал шанс начать замечательную жизнь с другой женщиной, однако каким-то образом они умудрились разойтись. Теперь он прекрасно осознавал: то, что он не женился на Элеоноре Картер, – главная ошибка всей его жизни. Тем не менее, будучи человеком действия и вновь испытывая тягу к путешествиям, Том ехал на Рождество поездом в Лос-Анджелес.

Можно задаться вопросом: почему именно поездом, когда добраться самолетом в несколько раз быстрее? Что ж... от постоянных досмотров службы безопасности в аэропортах, лезущих в интимные места рук, требований снять брюки перед посторонними людьми, обшаривания сумок терпение рано или поздно заканчивается и следует взрыв. Собственно, однажды Том так и поступил в аэропорту Ла-Гуардия – даже не взорвался, как ядерный реактор, а извергся подобно вулкану, уничтожившему Помпеи.

Тогда он только что прилетел из Италии, где осваивал очередную тему – на сей раз виноделие, – и надышался, пожалуй, в большей степени, чем требовалось, парами знаний про модификацию почвы и брожение винограда. В результате Лэнгдон был усталым, раздраженным и страдал от похмелья. Он проспал всего три часа в квартире друга в Нью-Йорке, прежде чем отправиться в аэропорт, чтобы не опоздать на самолет в Техас. Там он должен был написать статью про подростковые конкурсы красоты.

На пропускном пункте в Ла-Гуардии палка-детектор досматривающего прошла по тем частям тела Тома, касаться которых не имела никакого права. Тем временем другой сотрудник службы безопасности вывалил все содержимое сумки Лэнгдона на ленту. Том мог лишь беспомощно смотреть, как его очень личные вещи становятся достоянием внезапно заинтересовавшихся незнакомцев.

В довершение этой чудесной сцены его проинформировали, что серьезные подозрения вызвало то ли удостоверение личности Тома, то ли цвет волос, то ли одежда, то ли размер носа (они так и не объяснили, в чем дело). Поэтому вместо перелета в Даллас придется неизвестно сколько наслаждаться компанией сотрудников ФБР, Управления по борьбе с наркотиками, ЦРУ и Департамента полиции Нью-Йорка. Он даже расслышал фразу «от пяти до десяти часов». Что – наряду с личным досмотром – превысило лимит терпения Тома. И лава выплеснулась наружу.

В Лэнгдоне было шесть футов два дюйма² роста, около двухсот двадцати фунтов³ веса, он был довольно мускулист, и из его ушей шел пар праведного гнева. Он употребил слова, которые обычно не пустил бы в ход в радиусе четырех миль от церкви, налетел на сотрудников безопасности, выхватил доставивший столько неприятностей детектор и сломал пополам. Том и по сей день стыдится своего тогдашнего всплеска насилия, хотя одобрительные возгласы некоторых пассажиров – свидетелей произошедшего – немного приподняли ему настроение.

К счастью, женщина-судья, перед которой предстал Том, сама недавно перенесла процедуру чрезмерно рьяного обыска, так что, когда он давал показания, обменялась с Томом понимающими взглядами. К тому же подозрения в его адрес оказались – какой сюрприз! – ошибкой. Потому ограничились тем, что вынесли Тому строгое предупреждение с предписанием записаться на курсы управления гневом. Что он и планировал сделать, как только исчезнет неконтролируемое желание придушить типа с детектором. Однако у эмоционального срыва были и другие последствия: бедолаге Тому запретили сроком на два года летать рейсами в пределах континентальных Соединенных Штатов. Он и не подозревал, что так можно, пока ему не про-

² Ок. 188 см.

³ Почти 100 кг.

демонстрировали соответствующие полномочия, указанные в тексте соглашения с авиакомпанией микроскопическим шрифтом, под столь же микроскопическим текстом «лимит выплат за утерянный багаж составляет пять долларов».

Вот тогда наступило прозрение. Невозможность путешествовать привычным способом – по воздуху – была важным знаком, знамением свыше. Потому Том и решил сесть в поезд до Лос-Анджелеса. Он напишет историю путешествия от океана до океана в рождественские праздники. И желание провести их с Лелией было не единственной причиной. Том Лэнгдон был из числа тех Лэнгдонов, что жили в Эльмире, штат Нью-Йорк. А хорошо знакомые с историей литературы при слове «Лэнгдоны из Эльмиры» вспомнят Оливию Лэнгдон. Оливия сама по себе была приятной особой со стойким характером, хоть и с трагической судьбой, но помнят ее благодаря тому, что она вышла замуж за словоохотливого оратора, вспыльчивого человека, плодовитого писателя, известного своим друзьям как Сэмюэл Клеменс, а всему миру – как Марк Твен.

Том знал об этой семейной связи с тех пор, как научился писать свое имя. Такой родственник вдохновлял его зарабатывать на жизнь писательством: ведь Твен тоже был журналистом. Он начинал карьеру в «Территориал Энтерпрайз» в Виргиния-сити в Неваде, прежде чем к нему пришли слава, богатство, банкротство и вновь слава и богатство.

В свою очередь, Тому довелось дважды побывать заложником террористов и с дюжину раз едва не погибнуть, освещая войны, стычки, перевороты и революции, посредством которых «цивилизованные» общества разрешали разногласия. Он видел, как надежда сменяется ужасом, ужас – злостью, а злость... злость ничем не сменялась, поскольку лишь копилась и создавала всем неприятности.

Он получал престижные премии, но не считал себя талантливым писателем, чьи произведения способны выдержать испытание временем. Не таким, как Марк Твен. Тем не менее даже дальнейшее родство с автором «Приключений Гекльберри Финна», «Жизни на Миссисипи» и «Человека, который совратил Гедлиберг», чьи творения останутся в веках, вызывало в Томе потрясающее чувство, что он (пусть и за чужой счет) особенный.

Перед смертью отец Тома попросил сына завершить то, что, согласно легенде, Твен так и не успел. Отец рассказал ему, что тот, путешествовавший, пожалуй, больше всех своих современников, уже будучи пожилым человеком, в мрачный период своей жизни отправился поездом через весь континент в рождественские праздники. Очевидно, после всех пережитых им и его родными трагедий⁴ ему хотелось увидеть в окружающем мире что-то хорошее. Предположительно, он сделал много записей в ходе своей поездки, но по каким-то причинам они так ни во что и не вылились. Об этом и попросил отец: поехать поездом, написать рассказ, завершить начатое Твеном дело, и тогда Лэнгдоны будут им гордиться.

Тогда Том только-только вернулся из безумно насыщенной заокеанской поездки, проведя сутки в самолете, чтобы успеть повидаться с отцом до его кончины. Услышав сбивчивую просьбу, он был ошеломлен. Пересечь всю страну на поезде под Рождество, чтобы закончить то, что Марк Твен якобы не сумел? Том принял это за предсмертный бред, так что желание отца так и осталось неисполненным. Однако теперь, раз уж он не мог летать в пределах Штатов – если не хотел, чтобы его опознали по отпечаткам и заковали в наручники, – он собирался все-таки предпринять этот вояж ради старика. И, возможно, ради себя тоже.

Том хотел попытаться найти себя в этом путешествии длиной почти в три тысячи миль. Он отправлялся именно в рождественские праздники потому, что Рождество – время обновления. Для него это, возможно, последний шанс разгрести созданный им самим бардак. По крайней мере, он попробует.

⁴ Писатель потерял троих детей и жену.

Но знай он, как круто изменится его жизнь спустя всего пару часов после посадки в поезд, возможно, предпочел бы пройтись до Калифорнии пешком.

Часть 1. «Кэпитол Лимитед», Вашингтон – Чикаго

Глава 2

Когда Том вышел из такси и оказался перед вокзалом Юнион-Стейшн Вашингтона, округ Колумбия, с которого и начнется его путешествие, то вспомнил свои немногочисленные поездки по железным дорогам в пределах Соединенных Штатов. Все они прошли Северовосточным коридором⁵ – маршрутами между Колумбией, Нью-Йорком и Бостоном – на новейших высокоскоростных экспрессах «Асела» компании «Амтрак»: быстрых, красивых и просторных, ничуть не уступающих своим европейским собратьям. Разделяющие вагоны стеклянные двери, открывающиеся при приближении, смотрелись здорово и напоминали Тому портал на мостике корабля «Энтерпрайз»⁶. Недаром, когда он впервые оказался на «Асела» и эти двери открылись в первый раз, Том невольно начал озираться в поисках вулканца⁷ в униформе Звездного флота.

Лэнгдон забронировал место в спальном вагоне поезда «Кэпитол Лимитед» на маршрут от Колумбии до Чикаго. Собственно говоря, добираться до Западного побережья пришлось бы в два приема: сначала – «Кэпитол Лимитед», затем пересадка (и гораздо более длительная поездка) на старый почтенный «Саутвест Чиф». У «Кэпитол Лимитед» была славная история – эти поезда были частью знаменитой линии «Балтимор и Огайо»: первого грузопассажирского оператора страны и первой железной дороги, занимающейся перевозкой людей. «Кэп» – так ласково называли «Кэпитол Лимитед» – всегда считался самым стильным и комфортным поездом дальнего следования в США.

В меню одно время присутствовал ньюбергский омар⁸, в ресторане – фарфоровая посуда, а из украшенных куполообразными смотровыми площадками вагонов можно было разглядывать мелькающие мимо пейзажи. Были в поезде и пульмановские вагоны⁹ со знаменитыми проводниками, которые, по слухам, зарабатывали фантастические чаевые. За свою долгую историю «Кэп» перевозил из Чикаго в Колумбию и обратно королей, принцев, президентов, кинозвезд и промышленных магнатов; рассказы об их поездках попали в железнодорожные легенды. Если бы Том занимался репортажами о светской жизни, то мог бы сделать успешную карьеру, просто собирая байки следующих этим маршрутом пассажиров.

В молодости Лэнгдон увлекался биографией, творчеством и юмором Марка Твена – из-за фамильных связей и живейшего интереса отца к этой личности. Готовясь к поездке через континент, он перечитал «Простаков за границей» – рассказ Твена о пятидесятилетнем турне на пароходе «Квакер-Сити» по Европе и Святой земле. Это была одна из самых забавных и беззаботных книг о путешествиях, которые он читал. Только представить Сэмюэла Клеменса – в то время худощавого молодого человека только что с Дикого Запада, очень мало похожего на утонченного литератора, которым он в будущем станет, – совершающим свою первую поездку в Старый Свет в компании благочестивых выходцев со Среднего Запада: какие перед ним открывались возможности! Том собирался не за границу, однако во многом ощущал себя паломником на родине, поскольку, по иронии судьбы, повидал гораздо больше чужих стран, чем Америку.

⁵ Система железных дорог, протянувшаяся от Бостона до Вашингтона.

⁶ Космическое судно из фантастического сериала «Звездный путь».

⁷ Одна из рас в «Звездном пути».

⁸ Острое блюдо из лобстера, яиц, масла и сливок с добавлением коньяка и хереса.

⁹ Спальные вагоны американского типа – некупейные.

«Кэпитол Лимитед» покидал Колумбию ровно в 16.05, делал двенадцать остановок по пути из Вашингтона в Чикаго и прибывал в Город ветров¹⁰ точно в срок – 9.19 утра. Том собирался побыть здесь, а после полудня сесть на «Саутвест Чиф» и отправиться в Лос-Анджелес. План был неплох, и эта перспектива будоражила Лэнгдона куда сильнее, чем написание статей про то, когда лучше обрезать падуб или откачивать отстойник.

Он взял билеты, проверил, в порядке ли лыжное снаряжение – они с Лелией собирались покататься в Рождество с живописных склонов вокруг Тахо¹¹, – и окинул взглядом величественное здание вокзала Юнион-Стейшн. До реконструкции оно напоминало объект под снос: в конце 1960-х и в 1970-е здание служило Национальным центром посетителей¹² – по сути, никому не нужной показухой. После этого промаха ценой в 30 миллионов долларов Национальный центр посетителей без посетителей втихую закрыли, и о нем напоминал только тот уголок здания, где находилась зона посадки.

По пути домой с фронтов Второй мировой в 1945-м отец Тома проходил через этот украшенный в романском стиле транспортный терминал. Теперь, когда Лэнгдон-младший прогуливался по уставленным многочисленными скульптурами мраморным залам, он представлял себя на месте отца: возвращающимся к мирной гражданской жизни после того, как помог спасти мир от тирании, будучи вооруженным только винтовкой и собственной храбростью. Казалось символичным, что его путешествие начнется там же, где отец закончил одну жизнь и начал другую, пройдя через этот портал. Сыну оставалось надеяться, что он добьется не меньшего.

Несколько минут Том разглядывал гигантскую модель рождественского поезда в западном крыле главного зала. Там толпилось множество детей и взрослых, явно заинтригованных маленькими творениями из металла, которые разъезжали вокруг тщательно выполненных моделей городов и по миниатюрной стране в целом. У поездов был какой-то магнетизм, притягивающий и вызывающий ностальгию даже у тех американцев, которые никогда на них не ездили. И, захваченный этим настроением, Том улыбался, глядя, как крошечные вагоны бегают по крошечным рельсам.

Поезд должен был вскоре отбыть, так что он направился в зону посадки. Хотя на некоторых станциях с недавних пор начали практиковать досмотр багажа, пассажир по-прежнему мог прибыть буквально в последнюю минуту и все равно успеть сесть. Тут не было ни пропускных пунктов, ни назойливых детекторов, ни бессмысленных вопросов вроде «а не предлагал ли вам незнакомец в мужском туалете пронести в сумке термоядерное взрывное устройство?», – как будто вы сами не сообщили бы о подобном происшествии. Можно было просто садиться и ехать. В современном мире, полном бесконечных ограничений, такая простота не могла не радовать.

Том уселся в зале ожидания и стал разглядывать других пассажиров. Когда он ехал в Нью-Йорк поездом «Асела», практически все ожидающие посадки были бизнесменами, модно одетыми и с соответствующими аксессуарами: сотовыми, смартфонами «Блэкберри», КПК «Палм Пайлот», ноутбуками, наушниками, лазерными указками и прочими гаджетами. У этих людей была конкретная цель, они торопились, и, когда двери открылись для пассажиров, они хлынули туда потоком. С Тома чуть не сорвали одежду лишь потому, что он устремился внутрь недостаточно поспешно. Какая-то крошечная, но решительно настроенная гендиректриса так яростно на него насадала, как будто он был замаскированным преступником, а ее единственной целью в жизни было его разоблачение.

Ждать «Кэп» собралась более пестрая компания. Тут были и белые, и афроамериканцы, и индейцы, и мусульмане в традиционных одеяниях, и американцы азиатского происхождения –

¹⁰ Прозвище Чикаго.

¹¹ Озеро в районе горного хребта Сьерра-Невада.

¹² Информационный центр для туристов.

прекрасный пример разнообразия рас и национальностей, причем мужчин и женщин было примерно поровну.

Симпатичная молодая парочка по соседству с Томом пила кока-колу «лайт» и держалась за руки, выглядя крайне взволнованной. Возможно, оба впервые оказались вдали от дома. Лэнгдон столько путешествовал с юных лет, что мог понять их беспокойство. Сидящий рядом с парочкой пожилой священнослужитель отдыхал, положив ноги на свою сумку.

Напротив священника сидела хрупкого телосложения женщина с острыми, почти геометрическими чертами лица. Определить ее возраст мешал многократно обернутый вокруг головы – почти как тюрбан – длинный разноцветный шарф. Обута она была в деревянные туфли размером с тридцатифунтовые гантели. На соседнем с ней кресле были разложены карты Таро, которые женщина внимательно рассматривала. Любого прохожего она одаряла взглядом «я знаю о тебе все». Это несколько нервировало. Как-то на Виргинских островах Тому гадал по руке один старик. Он наобещал ему долгую жизнь, кучу детей, любящую жену, счастье и успех. Лэнгдона часто посещала мысль, что неплохо бы отыскать этого лжеца и потребовать обратно деньги.

Том смотрел, как пожилая дама перемещается на ходунках. Она напонила ему мать. Та после инсульта не могла говорить, так что Лэнгдон придумал, как общаться знаками: он клал перед ней фотографию себя малыша на груди у матери, а та подбирала фото здоровой рукой. Это означало, что с ней все хорошо, что она воспринимает окружающую реальность. Том никогда не забудет тот момент, когда он положил перед ней фотографию и прождал восемь часов, но мать так и не прикоснулась к ней. На следующий день она умерла.

Несколько минут спустя пассажиры, и Лэнгдон в их числе, подхватили багаж и встали с мест. Их звал «Кэпитол Лимитед».

Глава 3

Снаружи было очень холодно. Сбившиеся в кучу облака обещали снег или, как минимум, дождь со снегом. В такую погоду пассажиры самолетов волновались насчет задержки рейсов и обледенения крыльев, но стойкому «Кэпу» было плевать на непогоду; он отправлялся в Чикаго. Настроение Тома стало подниматься; в начале любого путешествия он испытывал прилив адреналина. В своей последней опубликованной статье (для журнала о здоровье) он исследовал огромный потенциал шестинедельной диеты, состоящей из чистого чернослива, помноженного на близость туалета. Теперь ему отчаянно хотелось приключений.

Лэнгдон подошел к поезду спереди и увидел пару дизельных электромоторов, которые помчат «Кэп» по рельсам. Он читал об этих монстрах. Это были «Дженерал Электрик Р-42» – каждый весом аж в 268 000 фунтов, с шестнадцатью цилиндрами и мощностью 4250 лошадиных сил. Его взгляд задержался на механических великанах, а воображение нарисовало картину, как замечательно было бы ехать на таком по загруженной вашингтонской автомагистрали. Что «Р-42» не обгонит, то просто переедет.

Шагая обратно вдоль протянувшейся под станцией обгонной колеи, он заметил любопытный старый вагон зеленого охотничьего цвета. Том спросил у стоящего неподалеку сотрудника «Амтрака», что это такое.

– Бывший вагон Франклина Делано Рузвельта – «Марко Поло», или «Вагон номер семь». Теперь принадлежит «Норфолк Саутерн». Здесь, внутри, устраивают ужины для высокопоставленных лиц.

Пока они стояли и беседовали, в тоннель рядом с бывшим вагоном Рузвельта въехал длинный лимузин.

– Что, приехали на ранний ужин в «Марко Поло»? С Черчиллем и Сталиным, наверное? – улыбнулся Том.

Собеседник не уловил юмора.

– Нет, это какая-то большая шишка садится в «Кэп Лимитед». Они заезжают через этот проход. Под станцией есть погрузочная рампа для лимузина. Все ради сохранения инкогнито – как кинозвезд тайком провозят через аэропорт.

– И кто эта путешествующая одним со мной поездом большая шишка? Небось какой-нибудь политик, верно?

Сотрудник «Амтрака» посмотрел на Тома. Он выглядел ветераном железнодорожной службы и наверняка мог бы поведать массу занимательных историй, если бы только у Лэнгдона было время.

– Если бы я вам рассказал, это перестало бы быть тайной, не так ли?

Том немного выждал, но из лимузина так никто и не вышел. Впрочем, велик шанс, что он еще столкнется с этим высокопоставленным лицом, которому в поезде будет трудно оставаться незамеченным. Дайте Тому Лэнгдону несущийся по рельсам поезд, ручку, бумагу, старый добрый бинокль и свободу действий – и он разоблачал бы по ВИП-персоне в день.

Конфигурация сегодняшнего поезда – «состава» на железнодорожном языке – состояла из двух локомотивов, одного багажного вагона, трех купейных, вагона-ресторана, двух спальных и одного переходного вагона. В последнем размещалась большая часть обслуживающего персонала. Там были две пары дверей – верхние и нижние, что позволяло переходить из двухэтажных вагонов в одноэтажные; отсюда название вагона – «переходный». Том дошел до проводника спального вагона и предъявил ему билет.

– Вам в следующий вагон, сэр. Реджина будет вашим проводником, – сказал мужчина.

Том отправился к Реджине. Та стояла перед впечатляющих размеров двухэтажным вагоном в шестнадцать футов высотой. В «Амтраке» такие назывались «Суперлайнерами» – самые

крупные пассажирские вагоны в мире. Хотя некоторые и считали поезда устаревшим способом перемещения, в глазах Тома их окутывал загадочный ореол. Он прочел немало классических детективов, где действие происходило на колесах, со всеми составляющими захватывающего сюжета: романтика неторопливого путешествия в замкнутом пространстве, ограниченный и вместе с тем пестрый круг подозреваемых. В лучших (по мнению Тома) такого рода историях пассажиры сидели в темноте, затаив дыхание, ощущая, что вот-вот произойдет нечто ужасное. И когда напряжение достигало пика, вспыхивал свет, раздавался крик и с глухим стуком валилось чье-то тело. Утром труп с вытаращенными глазами и бледной кожей обнаруживала крайне недогадливая горничная и вопила во всю мощь легких добрые десять минут, в то время как из темного угла за ней пристально следила пара глаз. Том был убежден, что человеку, не впечатлившемуся вышеописанным сценарием, следует проверить свой пульс.

У Реджины была безупречная темная кожа. Она выглядела слишком юной, чтобы работать проводницей... и вообще работать; собственно, Тому показалось, что ей в самую пору учиться в средней школе и готовиться к выпускному балу и первому серьезному поцелую. Высокая, хрупкая с виду, привлекательная девушка явно наслаждалась своей работой. На голове у нее красовалась красно-белая рождественская шляпа, как у помощников Санты. Она была занята тем, что помогала той нервной молодой парочке, которая ранее держалась за руки в зале ожидания. Тем временем священник уже зарегистрировался и теперь втаскивал свою огромную сумку в поезд. Как только Реджина закончила с парочкой, Том шагнул вперед и продемонстрировал билет.

Девушка взглянула на его имя и поставила галочку у себя в списке:

– Хорошо. Мистер Лэнгдон, ваше место на верхнем этаже в купе D. Лестницы располагаются по правую сторону от вас и слева в холле.

Том поблагодарил ее и осторожно ступил в величественный «Кэпитол Лимитед». Его опыт путешествий в спальнях вагонов ограничивался просмотром фильма Альфреда Хичкока «На север через северо-запад». Там снимались такие актеры, как безукоризненно элегантный Кэри Грант, прекрасная Ева Мария Сэйнт и зловещий Джеймс Мейсон. Многие фанаты фильма помнят знаменитую сцену с самолетом-опылителем, в которой Кэри стоит в безупречном сером костюме посреди бескрайнего поля и ждет встречи с таинственным Джорджем Капланом, которого, конечно же, не существует. Коварные заговорщики в ЦРУ придумали Каплана для воплощения своих зловещих замыслов и постоянно лгали, что делают все, чтобы мир стал более демократичным. Впрочем, справедливости ради стоит сказать, что все это вылилось в увлекательный сюжет.

Больше всего Тому запомнилась жаркая сцена, где внутри просторных спальных апартаментов Евы Марии Сэйнт очень много целовались. Тогда Кэри с Евой зашли довольно далеко даже по нынешним меркам. Том вспомнил, как после просмотра фильма ему – тогда молодому человеку с бушующими гормонами – лезли на ум непристойные мысли обо всех окружающих женщинах. Или, как минимум, о тех, кто похож на Еву Марию Сэйнт.

Помня фильм, Том твердо знал, что его железнодорожные апартаменты окажутся столь же элегантно обставленными и комфортными. Там будет достаточно места для пары кроватей, рабочего стола, мини-фойе, в котором можно встречать посетителей, ванны с джакузи, опционально комнаты для прислуги и, возможно, выхода во внутренний дворик и балкончик. Неспроста в конце фильма Кэри с Евой провели медовый месяц в том самом вагоне: там было просторнее, чем в любых апартаментах, где доводилось останавливаться Тому.

Он начал взбираться по лестнице, на которую указала Реджина. С учетом багажа приходилось нелегко, лестница была крутая. Том предположил, что таким образом экономилось пространство, которое ушло на огромное спальное купе. Затем поглядел вверх и осознал, что перед ним выросло серьезное препятствие.

Оно оказалось пожилым, облаченным, кажется, в пижаму, хотя еще не было и четырех часов дня, и вразвалку спускающимся с верхней ступеньки лестницы. Том в этот момент находился на второй сверху ступеньке; ему оставался один, последний шаг, после чего можно отправиться в свой особняк на колесах – фантазировать о Еве Марии.

– Прошу прощения, – обратился он вежливым тоном.

– Проходите, – ответила женщина громогласным баритоном, в сравнении с которым голос самого сурового бывшего военного корреспондента показался бы женственным.

– Если вы позволите мне протиснуться... – ответил Лэнгдон. Но шансы были нулевые. Хотя он намного выше ростом этой дамы, она, мягко выражаясь, значительно шире в талии.

– Привет, Реджина, – обратилась женщина к стоящей внизу девушке.

– Здравствуйте, Агнес Джо, – сказала Реджина.

Поскольку ни один не уступал дорогу, Том с Агнес Джо начали неуклюжее танго: шаг вперед – шаг назад. «Танец» происходил на вертикальной лестнице, что вызвало у журналиста легкий приступ тошноты.

– Агнес Джо, я Том Лэнгдон, – в конце концов заговорил он. – У меня место в купе D. Если бы вы были так любезны отойти на секунду...

Он так и не сумел закончить предложение: вместо того чтобы отступить, женщина слегка толкнула его локтем. Соприкосновение мясистого предплечья с головой заставило его, уже теряющего равновесие, попятиться вниз по ступенькам, споткнуться о нижнюю и рухнуть на спину.

Агнес Джо спустилась следом и любезно перешагнула через его распростертое тело. Том сильно засомневался, что путешествие Марка Твена поездом по стране начиналось именно таким образом. Женщина подошла к Реджине, которая занималась приемом пассажиров и не видела случившегося, чему Том был рад. Ведь, в конце концов, эта пожилая дама только что обыграла его в «царя горы».

– Вот, дорогая. Спасибо, что разобралась с моим багажом, – Агнес Джо протянула Реджине деньги.

Поднявшийся на ноги Том направился к проводнице. Проходя мимо пожилой женщины, он одарил ее недобрым взглядом.

– Я принесу ваш багаж, мистер Лэнгдон. Оставьте его здесь, пока я занята регистрацией пассажиров.

– Спасибо. Можете обращаться ко мне просто Том, – он протянул Реджине несколько купюр, та благодарно улыбнулась. Затем Лэнгдон снова бросил взгляд на Агнес Джо, которая медленно взбиралась обратно по лестнице.

– А как давно вы работаете здесь? – спросил он у девушки.

– Четыре года.

– Немалый срок.

– Пустяки, у нас есть сотрудники, которые уже лет двадцать проработали в этом поезде.

Том оглянулся на Агнес Джо – та все еще стояла на лестнице. Ее ноги перемещались, но в целом она топталась на месте. Весьма интересное зрелище.

– Значит, вы знакомы с Агнес Джо?

– О, разумеется. Она ездит этим поездом уже лет десять, как я слышала.

– Десять лет! Должно быть, ей очень нравится ездить.

Реджина рассмеялась:

– Вроде бы она навещает родных. Такая милая.

Том почесал голову в том месте, куда пришелся удар «милой» Агнес Джо.

– Она едет в этом же спальном вагоне?

– Да, ее место рядом с вашим.

Вот радость-то, подумалось Тому.

Он направился обратно к лестнице. Необъяснимым образом Агнес Джо до сих пор не сдвинулась с места.

– Вам помочь?

– Я в порядке, дорогой. Дай мне немного времени.

– Может быть, я поднимусь наверх и потом помогу вам взобраться?

Лэнгдон планировал обойти ее, затем бежать со всех ног и запереться в своем велико-
лепном купе вместе с Евой Марией. А Кэри Грант будет сторожить дверь.

– Просто не путайся под ногами, сынок!

Последнюю реплику она сопровождала ударом локтя, каким-то чудом попавшим Тому в левую почку. Когда боль улеглась и согнувшийся в дугу Лэнгдон сумел выпрямиться, Агнес Джо уже и след простыл. Он медленно доковылял до купе D. Он снова ощущал себя военным корреспондентом, черт побери.

Глава 4

Стоящему в дверном проеме купе Тому пришла мысль, что если бы сцена поцелуев Кэри и Евы Марии снималась здесь, то «На север через северо-запад» получил бы рейтинг XXX. Лэнгдон не знал точных размеров своего люкса, но чуть позже, сделав два шага, уперся в противоположную стену. Ни фойе, ни рабочего стола, ни пары кроватей. И он был вполне уверен, что совмещенный с балкончиком выход во внутренний дворик, джакузи и опциональная комната для прислуги тоже оказались мифами.

Что имелось – так это умывальник, зеркало и розетка для электробритвы. Шкафчик под умывальником хорошо укомплектован. Том углядел туалетную бумагу: значит, где-то здесь скрывается ванная комната. В крошечном шкафу для одежды можно повесить пальто, на дальней стене напротив того, что предположительно являлось кроватью, висело большое зеркало, также обнаружилась верхняя койка. Еще были стул и складной столик с выгравированной на нем шахматной доской. Из большого венецианского окна открывался прекрасный вид. Снаружи начинали падать снежинки, что способствовало рождественскому настроению. Дверь в купе закрывалась на замок, вдобавок можно отгородиться тяжелой занавеской. В целом, решил Том, тут неплохо. По правде говоря, со свободным пространством все обстояло даже лучше, чем в первом классе самолета.

Это впечатление сохранялось, пока Лэнгдон не открыл дверь в уборную. Если точнее, то, согласно надписи, это была уборная, совмещенная с душем. Том что, должен в одном месте и ходить в туалет, и мыться? В зарубежных поездках ему доводилось принимать даже душ из верблужьей слюны, но отнюдь не по доброй воле.

Перед Томом стояла реальная дилемма. Он поглядел на свою талию, затем на уборную-душевую, наклонился поближе и тщательно пригляделся. Он был уверен, что сумеет втиснуться в эту комнатку. Разумеется, чтобы выбраться, ему потребуется помощь трех-четырех крепких парней с тяжелой техникой. И, несомненно, Агнес Джо тоже окажется поблизости в ожидании удобного момента для удара по его последней здоровой почке.

Ему доводилось читать о невезучей женщине, которая во время трансатлантического рейса совершила непростительный грех, нажав в уборной на слив, все еще сидя на унитазе. Безобидный на первый взгляд поступок породил мощное вакуумное всасывание, и она оказалась в ловушке на сиденье унитаза. (Тома так и подмывало написать авиаконструкторам и спросить, почему они не предусмотрели возможность такого неприятного инцидента.) Ей пришлось просидеть там весь полет. Уже после приземления команда профессионалов, вооруженных лопатками и детским маслом, ворвалась в туалет и освободила бедную заложницу. Окажись Том на ее месте, он, наверное, предпочел бы отгрызть себе ноги, но выбраться из западни.

Не желая больше думать об этом, он повернул назад и уже собирался сесть, когда заметил, как у стены напротив кровати что-то промелькнуло. Сперва Том не разобрал, что именно – слишком быстро все произошло, но вскоре видение повторилось. То была Агнес Джо. Как такое могло произойти? Здесь же располагались *частные* апартаменты. Но вскоре Том разобрался, в чем дело: в стене, разделяющей купе, появилась щель – вероятно, проводили ремонтные работы или что-то в этом роде – и в результате ему стало видно соседнее помещение. Прежде ему доводилось разбивать бивуак в компании вышеупомянутых грязных плюющихся верблюдов, в последний раз мывшихся при рождении пустынных кочевников и множества иных дурно пахнущих личностей; будильником ему порой служил артиллерийский огонь. Но он никогда не спал с Агнес Джо и определенно не хотел начинать это сейчас.

Том подошел к отъехавшей стене, чтобы задвинуть ее на место, и посмотрел в разделяющую купе щель. Тут же он оказался глаза в глаза с дамой.

– Сынок, только попробуй подглядывать за мной, – пригрозила та. – Да тебе и не захочется разглядывать мои старые кости, дорогой. Найди себе женщину своего возраста.

Все ясно, подумалось Тому. Перед ним городская сумасшедшая, только не в городе, а на рельсах. Он решил ей подыграть:

– По-моему, вы очень неплохо смотрите.

– Ну же, хватит. Не заставляй меня вызывать Реджину.

– Совершенно не стоит. Зачем портить приятное времяпровождение тет-а-тет третьей лишней?

– И не пытайся мне польстить, это не сработает: я не из таких женщин. Впрочем, мы можем после ужина посидеть в вагоне-люксе, выпить, получше узнать друг друга.

Она даже похлопала ресницами.

– Что ж, я был бы глупцом, если бы отказался от такого предложения.

Агнес Джо одарила его игривой улыбкой:

– Прошу прощения, что сшибла тебя на лестнице, Том. Рука дрогнула, наверное.

– Раз уж этому суждено было произойти, я рад, что это была именно ты.

Он повернулся и увидел рядом Реджину с его поклажей в руках. Проводница бросила взгляд на стену и покачала головой:

– Снова отъехала? Я же говорила мастеру проверить, все ли в порядке.

– Привет, Реджина, – сказала через щель Агнес Джо и указала пальцем на Тома: – Присматривай за этим парнем, он тот еще проныра.

– Хорошо.

Том с усилием задвинул стену на место.

– Прошу прощения, что так получилось, – извинилась девушка.

– Ничего страшного. Она выглядит безобидной.

В глазах Реджины зажегся озорной огонек.

– Я в этом не уверена.

Проводница внесла в купе его багаж, присела на краешек койки (которую ночью, по-видимому, можно было превратить в кровать) и вытащила блокнот:

– Ваш столик на ужин заказан. Вагон-ресторан открывается в пять тридцать. Или же, если не хотите туда, можно перекусить в кафетерии. Он в вагоне-люксе, который находится за вагоном-рестораном, на нижнем этаже. Вы увидите лестницу справа. Просто покажите билет Тайрону – проводнику вагона – и скажите, что хотите поесть не в ресторане. Доступ для всех пассажиров спальных вагонов свободный.

– Я поем в ресторане. Как насчет того, чтобы забронировать столик к семи?

Девушка сделала запись в блокноте:

– Пока вы ужинаете, я зайду в номер и приготовлю вам кровать. Газировку, бутилированную воду, кофе и фрукты вы найдете наверху у лестницы, по которой поднялись. Я регулярно проверяю, так что там все свежее. Берите, не стесняйтесь.

– А в вагоне-ресторане предусмотрен дресс-код или что-то в этом роде?

Реджину вопрос, по-видимому, позабавил.

– Я видела, как пассажиры ходят туда практически в чем угодно.

Тому показалось или девушка бросила взгляд в сторону купе Агнес Джо?

– Большинство не придерживается строгих правил. Здесь едет много семейных людей, с маленькими детьми. Нет необходимости особо заморачиваться с одеждой.

– Это я и хотел знать.

Он расспросил насчет маленьких размеров уборной-душевой и получил ответ, что на нижнем этаже есть более просторные, с раздевалкой, обслуживающиеся по принципу «первым пришел – первым помылся».

– Большинство людей без физических проблем предпочитают пользоваться именно ими, – тактично добавила девушка.

Она встала и уже собиралась уходить, когда Том сказал:

– Я журналист. Я пишу рассказ о путешествии поездом через всю страну.

Реджина явно заинтересовалась:

– Вы едете поездом «Эмпайр Билдер» до Сиэтла, «Калифорния Зефэ» до Сан-Франциско или «Саутвест Чиф» до Лос-Анджелеса?

– «Саутвест Чиф» до Лос-Анджелеса.

– Это отличный поезд с достойной историей. И люди там замечательные; вы прекрасно проведете время. Большинство едущих «Чифом» даже не хотят выходить.

Том достал блокнот и стал делать беглые пометки.

– Вы говорите так, будто поезд – почти человек.

– Ну, отчасти так и есть. Я хочу сказать, что когда проводишь в поездах столько времени, то узнаешь их особенности, их сильные и слабые стороны. Некоторые темпераментнее других, некоторые снисходительнее. Это как будто находиться в отношениях. Знаю, звучит странно, но так оно и есть.

– Хм. По сравнению с некоторыми отношениями, в которые мне доводилось вступать, встречаться со стотонным дизелем – не такая уж плохая перспектива.

Реджина рассмеялась:

– Моя мать, Роксанна, работает в «Саутвест Чиф» контролером качества обслуживания. Она большой босс. Мы увидимся с ней, когда доедем до Чикаго. Я дам знать насчет вас: ей определенно есть что рассказать.

– И часто такое бывает? Я имею в виду – в «Амтраке» часто работают семьями?

– Ну, у меня – мать и не знаю сколько дядей, тетей, кузенов и прочих. Потому я и устроилась сюда. Мой сын тоже работает в «Амтраке» уборщиком вагонов.

Том уставился на нее:

– Ваш сын? Вы выглядите так, будто только что окончили школу.

– Агнес Джо была права: вы тот еще проныра, – девушка застенчиво улыбнулась. – Впрочем, спасибо за комплимент. Еще хочу отметить, что в числе наших пассажиров есть настоящие знаменитости. Певцы, спортсмены, кинозвезды – все они по большей части приятные в общении.

Ее лицо приобрело серьезное выражение.

– Там, откуда я родом, работать в поезде – это нечто особенное. Люди смотрят на тебя снизу вверх. Это здорово... понимаете?

Том кивнул. Его в самом деле заинтриговала эта тема. Надо будет включить в свой рассказ.

– Как думаете, кто-нибудь еще в поезде будет не прочь побеседовать со мной?

– О, разумеется, я дам всем знать. Всем моим коллегам есть о чем поведать.

– Я в этом уверен.

Проводница ушла. Лэнгдон почувствовал, как поезд начал движение. Дизельные электропоезда не нуждаются в передаче усилия каждому вагону, нет необходимости сдергивать их с места при старте. Вот почему состав набрал ход более плавно, чем самый комфортный автомобиль в мире. Том глянул на часы. 4.05 – точно в срок. Легендарный «Кэпитол Лимитед», в котором находился выполняющий свое задание Том Лэнгдон, начал путь.

Глава 5

Получивший зеленый свет «Кэп» понесся по дороге из металла и дерева. Он плавно воспарил, качнул заключенными в корпус крыльями из нержавеющей стали, салютуя пролетающей стае птиц, напугал сборище лоббистов у Капитолия и направился на запад – совсем как Марк Твен в своей молодости. Юный Сэм Клеменс проделал путь от Миссури до Невады в тряском дилижансе, ночуя на сумках с корреспонденцией и разъезжая днем в нижнем белье. Он повстречал много красот и редкостей, но ему также довелось бороться с такими трудностями, как пустыни, бандиты, вспыльчивые мексиканцы, протухшая провизия и скука. В то время как Тома Лэнгдона вез мотор мощностью в тысячи лошадиных сил, и он наслаждался наличием удобной кровати, туалета и Агнес Джо в соседнем купе. Том был по-прежнему не уверен, кому больше повезло – ему или Твену.

Он набрал по мобильному номер Лелии. Он не говорил ей о своей поездке, желая устроить сюрприз. И она определенно удивилась, только не совсем так, как он рассчитывал. Услышав ее, Лэнгдон порадовался, что их сейчас разделяют около трех тысяч миль.

Лелия вопила в трубку:

– Ты едешь поездом через все Соединенные Штаты Америки? Ты сошел с ума?

Она говорила таким тоном, что Том начал сомневаться в собственном здравомыслии.

– Лелия, люди всегда ездили таким способом.

– Ну да – в каменном веке.

– Это ради написания рождественской истории.

Он не хотел делиться с ней другими причинами, не будучи уверен, что Лелия впишется в уготованное ему будущее, – по крайней мере, в то будущее, которое, Том надеялся, откроется во время поездки.

– Я заказала частный рейс, самолет вылетает в шесть вечера прямо в сочельник.

– Не буду бежать впереди паровоза, но я успею. Поезд прибывает в Лос-Анджелес утром.

– А если он опоздает?

– Да ладно тебе, это же поезд. У нас все по расписанию – делаем остановки, принимаем пассажиров, высаживаем и катимся дальше. Прибудем в Лос-Анджелес с запасом.

Том услышал ее протяжный вздох. Собственно, в последнее время Лелия часто вздыхала. С виду у них были идеальные отношения, им не приходилось терпеть общество друг друга каждый день. Такие проблемы, как готовить, убирать, решать, с какого конца тубика выдавливать пасту или кто первым принимает ванну, не могли разрушить счастья парочки. Они чаще всего ели вне дома, совершали романтические прогулки по пляжам Санта-Моники или шопинг на Пятой авеню¹³, спали до полудня, а потом расставались на пару месяцев. Том был твердо уверен, что, находишь больше людей в таких брачных отношениях, число разводов резко сократилось бы. Потому он задавался вопросом, отчего в последнее время все эти вздохи.

– Просто приезжай уже. Я не хочу нарушать всеобщие планы.

– Всеобщие? Кто эти «все»?

– Люди, которые отправятся с нами на Тахо.

Это было новостью.

– Какие еще люди?

– Мои друзья и коллеги – мой агент, менеджер и еще несколько человек. Мы об этом говорили.

– Нет, мы об этом не говорили. Я думал, там будем только ты и я. Как и в прошлые два года.

¹³ Улица в Нью-Йорке, в центре Манхэттена.

– Верно. И я подумала, что для разнообразия неплохо позвать еще кого-нибудь.

– Что ты имеешь в виду? Что тебе стало скучно наедине со мной?

– Я такого не говорила!

– И не надо. Армия приглашенных тобой на наше Рождество людей говорит сама за себя.

– Не хочу спорить. Я просто думала, что провести Рождество на Тахо в компании приятных людей весело. Большинство ты знаешь в лицо – не подумай, что я зову незнакомцев, – и это не значит, что мы не будем проводить время наедине. Дорогой, я забронировала для нас отдельную спальню. И купила новое нижнее белье – специально для тебя. На рождественскую тему, очень игривое, – добавила она с придыханием. У Тома побежали мурашки. Неудивительно, что эта особа так успешно зарабатывала на жизнь голосом.

Том всегда коробило то, что женщины, как они думали, могли выиграть любой спор с мужчиной, упирая на основной инстинкт, просто намекнув на возможную награду в виде близости. В войне полов это был эквивалент превентивного ядерного удара. Том считал это несправедливым и, говоря откровенно, неуважительным по отношению ко всем представителям сильного пола.

И тем не менее Лэнгдон услышал собственный голос:

– Слушай, куколка, я тоже не хочу спорить. Я буду вовремя, клянусь.

Он отключился и еще несколько секунд воображал себе игривое нижнее белье. *Времями я такой... типичный мужчина*, подумал он уныло.

Пока Том корил себя, в коридоре началась суета. Когда он открыл дверь и высунулся, от группы уходящих пассажиров оставались видны только рука и нога замыкающего. Хотя больше он ничего не успел разглядеть, что-то в руке и ноге показалось знакомым. Том предположил, что они направляются в купе другого класса, которые у ВИП-персон, разумеется, самые лучшие. Ему пришла мысль последовать за ними и выяснить, действительно ли это люди из лимузина, но Лэнгдон решил заняться ими позже.

Том откинулся на сиденье и стал смотреть на проносящиеся пейзажи. Пока что поезд шел очень плавно, а шум колес убаюкивал. После раздумий он решил, что этот звук скорее не «тудум-тудум», а длинный «жжж», затем «шшш», «жжж», «шшш», потом большой «ссс-бумбах». По крайней мере, один важный вопрос решен, и это радовало.

Первая остановка была в Роквилле, штат Мэриленд, всего минут через двадцать пять после отбытия из Вашингтона. Рядом с Роквиллем находилась церковь Святой Марии – скромная, белая, на маленьком холме. Именно здесь могила Фрэнсиса Скотта Фицджеральда – по той, видимо, единственной причине, что он просил похоронить себя за городом. Том дал зарок оставить очень конкретные указания по поводу своего погребения, затем достал планшет и набросал черновые наблюдения для будущего рассказа. Впрочем, он еще мало что увидел. Если не считать того, что его побила Агнес Джо и унизила Лелия, путешествие пока обходилось без происшествий.

Он встал и направился на поиски какого-нибудь собеседника. Поезд снова тронулся, и Лэнгдон оперся рукой о стену, чтобы сохранить равновесие. Кто-то натянул вдоль коридора праздничные гирлянды, а рядом с межвагонной дверью даже повесили рождественский венок.

Когда он проходил мимо купе А, поезд качнуло, и Том столкнулся лицом к лицу с вышедшим в коридор пожилым священником, которого видел в зале ожидания.

– Здравствуйте, святой отец. – Том быстро прервал рукопожатие, чтобы помочь пожилому человеку сохранить равновесие. Элеонора Картер была католичкой, и, в каком бы уголке света они с Лэнгдоном ни оказывались, непременно посещали мессу. Элеонора постоянно шутила, что продолжит стоять на своем, и рано или поздно Том либо спасется, либо подвергнется духовной лоботомии. Вообще-то, в средней школе он недолгое время мечтал стать священником. Том-подросток был тощим и неуклюжим: координация движений не поспевала за ростом. Вкупе с отвратительными постоянными углями это сделало его крайне непопулярным.

В результате он всерьез размышлял над карьерой уединения, самоанализа и молитв. Останавливали только две вещи: во-первых, он не был католиком, во-вторых, раздражал обет безбрачия. Узнав о последнем, он решил стать вместо этого рок-звездой.

– Ныне я на покое, – дружелюбно сообщил святой отец. – Хотя по-прежнему одеваюсь как священник, потому что другой одежды у меня нет, за исключением шоколадного выходного костюма семидесятых годов из полиэстера. До сих пор замаливаю этот грех.

– Священник всегда остается священником.

– Я – отец Пол Келли из церкви Святого Фомы Аквинского.

– Том Лэнгдон. Вы проводите Рождество в Чикаго?

– Нет, я собираюсь в Лос-Анджелес. Там живет моя сестра с отпрыском. Проведу праздники с ними.

– Я направляюсь туда же. Едете поездом «Саутвест Чиф», как полагаю?

– Именно так. Насколько я слышан о сельских пейзажах, которые нам доведется увидеть, это поистине Божье творение.

– Возможно, я навещу вас в вагоне-люксе после ужина. Можем выкурить сигары, которые я взял с собой.

Том заметил, что из кармана робы священника торчит трубка.

Отец Келли одарил собеседника проказливой улыбкой и мягко коснулся его рукава:

– Благослови тебя Бог, сын мой. Поезда – это и вправду цивилизованный метод путешествия, не так ли? Возможно, там мы встретим и этих киношников, – добавил он.

– Каких киношников?

Отец Келли наклонился поближе и окинул взглядом коридор, очевидно проверяя, не подслушивает ли кто. Том тут же представил себя тайным агентом баптистов или методистов в Риме на задании: вывести тщательно охраняемые церковные секреты у болтливого священника, выпустить их в свет книгой и получить прибыль и веселье, в то время как по Ватикану летают гневные ноты.

– Они прибыли в огромной машине, доехали почти до самого поезда. Я, будучи по природе любознательным, осторожно навел справки, кто это может быть: людям, разумеется, легче признаваться во всем священнику. Можете мне поверить, Том: если человеку что-то почудится, он сразу об этом расскажет, независимо от того, случилось это на самом деле или нет. Слава богу, обычно все оказывается домыслами. Насколько я слышал, их двое. Судя по полученной информации, один – знаменитый режиссер, или кинопродюсер, или что-то в этом роде; имени, правда, узнать не удалось. Другой – то ли кинозвезда, то ли писатель. Они едут поездом, готовясь к съемкам фильма о путешествии по железной дороге.

Киношники, подумал Том, включая звезду. Быть может, именно поэтому один из них показался знакомым.

– Удачное стечение обстоятельств, – сказал он.

– Это почему же? – поинтересовался отец Келли.

Лэнгдон объяснил ему, что пишет историю о железнодорожном вояже. Пожилой священник, похоже, обрадовался:

– Что ж, вам повезло с выбранной темой. За свою жизнь я много раз путешествовал поездом, и мои поездки всегда были полны сюрпризов.

– Я начинаю это понимать, – ответил Том.

Выйдя от отца Келли, Том прошел в спальные вагоны. Там располагались стандартные купе, без душа. На обоих этажах поезда имелись общие душевые, вдобавок – о чем сообщила Реджина – внизу они побольше. Вероятно, туда он и станет ходить, чтобы не рисковать застрять в тесной душевой в своем купе. В люксе купе были просторнее и располагались по одну сторону коридора, в обычных вагонах – поменьше и по обе стороны. Лэнгдон заметил, что проход перегородили протянутые навстречу друг другу руки.

Приблизившись, он разглядел взволнованную молодую парочку. Их купе располагались напротив: парня – справа, девушки – слева.

– Так что, с меня возьмут плату за проход? – пошутил Том.

Оба посмотрели на него и улыбнулись в ответ.

– Прошу прощения, – извинился парень. Девушка застенчиво отвела взгляд. Им было лет по двадцать. Они походили на брата и сестру: оба светловолосые и светложие.

– Едете на праздники в Чикаго?

– Вообще-то... – неуверенно начал молодой человек.

– Стив, – прервала его спутница. – Мы с ним незнакомы.

– Ну, в поезде все иначе, – возразил Том. – Всем нам предстоит одно долгое путешествие. Люди раскрываются друг перед другом. Представляюсь первым. Я писатель, работаю над историей о путешествии поездом через всю страну. А вам есть что рассказать?

Парочка переглянулась, и Стив ответил:

– Вообще-то мы собираемся сыграть свадьбу.

Том опустил на колено и протянул руку:

– Поздравляю, это потрясающе. Между прочим, меня зовут Том.

– Я Стив. А моя невеста – Джули.

– Значит, вы собираетесь обменяться кольцами в Чикаго?

– Вообще-то нет. Мы поженимся в поезде, – ответил Стив.

– В поезде? Прямо здесь?

– Нет, – пояснила Джули. – В поезде юго-западного направления, по пути в Лос-Анджелес. Отходит завтра днем.

Тому показалось, что у девушки южный акцент. Манера же речи Стива свидетельствовала о происхождении из Новой Англии.

– Здорово. Я тоже поеду этим поездом.

Когда-то Том собирался сделать Элеоноре предложение руки и сердца в поезде по дороге обратно во Франкфурт, после посещения Кельнского собора. Они поехали третьим классом, хотя купили билеты в первый, но были не в курсе этого: оба слабо владели немецким. Маршрут шел параллельно Рейну, и Том гадал, когда лучше всего затронуть эту тему. Первоначально он собирался сделать предложение в соборе, но в толпе фотографирующих туристов и ревущих детей это показалось неуместным. Он собирался сделать это только раз в жизни, и ему хотелось, чтобы все прошло идеально.

Плавный ход поезда, оставшийся позади насыщенный день, кружки с пильзнерским пивом, пышный немецкий хлеб с сочными сосисками и отражение лунного света в водах легендарного романтического Рейна – все вместе создавало, казалось, идеальные условия.

Том представлял, как он опускается на колено, вытаскивает кольцо, объясняется в любви и тут же делает предложение. Она плачет от счастья, он тоже. Весь вагон третьего класса, полный бургеров, встает и аплодирует им – ведь понятно, что обряд предложения руки и сердца преодолевает любые языковые и культурные барьеры. Когда они прибывают во Франкфурт, совершенно незнакомые люди желают будущим молодоженам всего наилучшего и на немецком, и на довольно хорошем английском, а некоторые даже суют им мятые марки. Однако ничего этого не произошло, потому что он не сделал Элеоноре предложение в тот вечер. И в другие – тоже. Он просто сидел на месте, и кольцо в кармане казалось тяжелым, как пушечное ядро, и он не находил в себе силы взять его и надеть ей на палец.

Том снова сосредоточился на парочке.

– Так, а ваши семьи и гости уже в поезде или вы встретитесь в Чикаго?

Джули отвела взгляд, а Стив облизал губы. Похоже, Лэнгдон затронул болезненную тему.

– Ну, понимаете, наши семьи, вообще-то, не...

– Не знают, что вы женитесь?

- Не знают и не одобряют свадьбу. – Джули вытерла глаза тыльной стороной ладони.
- Перестань, Джули. Тому необязательно об этом знать.
- Так он спросил, – парировала девушка.

Стив взглянул на Тома наигранно-беззаботно:

- Поэтому мы сыграем свадьбу сами. Потому что мы любим друг друга.

Но Джули добавила:

– Его семья не одобряет мою кандидатуру. Они думают, раз я родом из какого-то захолустного городишки в Аппалачах в Виргинии, то я – из белых отбросов¹⁴. Да, мой отец работал в шахтах с шестнадцати лет, а мать так и не закончила среднюю школу, – тут девушка перевела взгляд на Стива, – а твои родители из высшего света Коннектикута. Но мои родные вовсе не отбросы. Они ничуть не хуже твоих, а во многом и лучше, – добавила она с южным пылом.

Том мысленно отметил, что оказался прав насчет их происхождения: девушка из Виргинии и парень из Коннектикута.

– А твоя семья одобряет свадьбу? – спросил он Джули, пытаясь немного ослабить напряжение.

– Они очень хорошо относятся к Стиву, но считают, что я слишком юна. Я учусь в колледже; собственно, мы оба учимся в колледже Университета Джорджа Вашингтона. Там мы и встретились. Они хотят, чтобы я закончила учебу, прежде чем выходить замуж.

– Что ж, их вполне можно понять, особенно если у них самих не было шанса учиться в колледже. Уверен, они хотят для тебя самого лучшего.

– Лучшее для меня – это Стив.

Девушка улыбнулась парню, и Том был уверен, что сердце молодого человека просто растаяло. Может, они и молоды, но уже достаточно взрослые, чтобы быть по уши влюбленными друг в друга.

Джули продолжала:

– И я закончу колледж. Потом поступлю на юридический факультет Виргинского университета. Родители будут мной гордиться. Но я сделаю это, уже когда стану женой Стива.

– Что ж, это твоя жизнь, – заметил Том. – Думаю, надо поступать так, как велит сердце.

– Спасибо, Том, – Джули похлопала его по руке.

Если бы только он последовал своему совету в отношении Элеоноры, все могло бы сложиться иначе. По иронии судьбы, они тоже встретились в колледже. Элеонора была из числа тех невероятно одаренных молодых людей, кто оканчивает среднюю школу в шестнадцать, а колледж – в девятнадцать. После колледжа они занимались репортажами-расследованиями и раскопали пару впечатляющих историй, прежде чем сделать следующий шаг и устроиться в агентство зарубежных новостей. Они набрались опыта, которого хватило бы на целую жизнь – даже на несколько жизней. Они влюбились, точь-в-точь как Стив и Джули. Они должны были обручиться и затем сыграть свадьбу, однако все оборвалось так внезапно, что Тому до сих пор было очень больно вспоминать об их последних минутах, проведенных вместе.

– Священник тоже в поезде?

На секунду Лэнгдон подумал, что церемонию проведет отец Келли, однако тот говорил, что уже оставил службу, и к тому же он обязательно упомянул бы о свадьбе.

– С ним встретимся в Чикаго. Церемония состоится на следующий день. Подружка невесты и шафер тоже будут ждать там, – ответил Стив.

– Что ж, удачи вам обоим. Полагаю, все пассажиры приглашены?

– Надеемся, хоть кто-нибудь придет, – сказал Стив.

– Именно, – нервно добавила Джули. – Иначе это будет очень одинокая свадьба.

¹⁴ Презрительное прозвище белых американцев-бедняков из южных штатов.

– Ни у одной невесты не должно быть такой свадьбы. Джули, я приду и приведу всех друзей-попутчиков.

Том еще не встретил ни одного друга-попутчика, но неужели трудно их завести? Агнес Джо уже практически у него в руках.

– Вагон-люкс, в девять утра, – сказал Стив. – Остановка «Ла Хунта».

– На испанском это означает «соединение», – добавила Джули. – Подходящее место для свадьбы.

– Мне любопытно: почему вы выбрали для свадьбы поезд?

Девушка рассмеялась:

– Наверное, это прозвучит глупо. После возвращения со Второй мировой мой дедушка встретился с моей бабушкой в Нью-Йорке. Они обручились до начала войны, но отложили свадьбу, потому что дедуля вызвался добровольцем.

– Странно, что они не захотели пожениться до того, как он ушел на войну, – заметил Том.

Джули покачала головой:

– Нет, именно поэтому они и не поженились. Дед не хотел оставить ее вдовой. Сказал, что, если выживет, это будет знак, что Бог благословил их на брак.

– Очень по-рыцарски с его стороны.

– Он, конечно, вернулся, а ждавшая четыре года бабушка отправилась встречать его в Нью-Йорк, намереваясь там и сыграть свадьбу, однако с войны возвращалось столько солдат с такими же планами, что очереди пришлось бы ждать неделями. Поэтому они заплатили проповеднику, чтобы тот поехал с ними поездом, и, когда пересекли границу Виргинии, поженились.

– И, полагаю, все сложилось хорошо?

– Пятьдесят пять лет совместной жизни. Два года назад они скончались с разницей в неделю.

– Что ж, желаю и вам того же, – сказал Том.

– Ты вправду думаешь, что совершенно незнакомые люди придут к нам на свадьбу? – спросила девушка.

Лэнгдон был всего лишь мужчиной и расценивал свадьбу с мужской точки зрения. Но все же он понимал, что невеста придает церемонии огромное значение. Жениху гораздо проще: все, что он должен сделать, – это явиться в более-менее трезвом виде, сказать «я согласен», поцеловать невесту на виду у хихикающих в толпе гостей старушек и не отключаться до тех пор, пока – после первой брачной ночи – все официальные церемонии не будут завершены, а подаренные деньги пересчитаны.

– Не беспокойтесь, – сказал Том. – В поездах есть что-то особенное, располагающее к откровенности. Кроме того, волей-неволей гости у вас все равно будут.

Он снова пожелал им всего хорошего и направился в кафетерий вагона-люкса в поисках Тайрона, однако его мысли снова вернулись к Элеоноре. После того как она бросила его в Тель-Авиве, он был расстроен, рассержен, озадачен и в итоге совершенно неспособен поступать рационально. Когда Том пришел в себя, миновало столько времени, что он уже не стал искать встреч. Прошли годы. Он чувствовал, что любая попытка связаться с ней будет немедленно отвергнута, а это болезненно. Как знать, может, она уже вышла замуж.

Лэнгдон прошел через вагон-ресторан, кивнув официантам. В одежде каждого был какой-нибудь праздничный элемент. Они, по-видимому, усердно готовили ужин, так что он решил не отвлекать их вопросами и направился в вагон-люкс. Несколько человек сидели у телевизора, другие лениво разглядывали мелькающие за окном пейзажи. Он спустился по спиральной лестнице и увидел проводника вагона-люкса Тайрона.

Его рабочее пространство было небольшим, но хорошо организованным: вдоль стен стояли холодильные шкафы, набитые сэндвичами, мороженым и всяческими сладостями. В закромах были чипсы и тому подобное, а также напитки – горячие и холодные. Для подносов с

покупками имелись линии раздачи. В конце зала находилась дверь с надписью «Место для курения».

На вид Тайрону было около тридцати, он оказался ростом с Тома и выглядел как Элвис, только чернокожий. Сперва Лэнгдону почудилось, что на проводнике парик, но, приглядевшись, он понял: волосы натуральные. Этот человек выглядел воистину по-королевски в своем черном великолепии. Такое зрелище Тому очень понравилось.

– Я откроюсь минут через двадцать, сэр, – сказал Тайрон. – Продукты доставили с задержкой. Обычно к этому часу у меня уже все готово и работает. Когда откроемся, я сообщу по громкой связи.

– Ничего страшного, Тайрон. Реджина сказала мне прийти сюда, если что-нибудь понадобится.

Раскладывающий по местам товары Тайрон оглядел его внимательно и с интересом.

– А, это вы тот писатель, о котором говорила Реджина?

– Да, я.

– Здорово. Что хотите узнать?

– Для начала – фанат ли вы Элвиса.

Проводник рассмеялся:

– Это из-за волос, верно? Всегда все судят по волосам.

– Ну, хорошо, признаю: из-за волос.

– «Спасибо, спасибо большое»¹⁵, – Тайрон слегка качнул бедрами.

– Я впечатлен.

– Я знаю все его песни и движения. Для белого парня его выступления очень хороши.

– Как давно вы работаете в этом поезде?

– Я в «Амтраке» с 93-го. В этом поезде работаю уже лет семь.

– Держу пари, вы много повидали.

– И не говорите, действительно много. Когда люди садятся в поезд, они как будто сбрасывают какие-то ограничители или что-то в этом роде. Я в курсе, какие сумасшествия вытворяют в самолетах, когда напиваются и так далее, но по сравнению с безумствами пассажиров поездов это ерунда. Не хотите содовой или чего-нибудь еще?

– Только если есть что-то покрепче. Очень на это рассчитываю.

Тайрон открыл ему бутылку пива, и Том прислонился к стене, слушая.

– Когда я впервые отправился этим поездом на север, мы выехали из Питтсбурга около полуночи, и я услышал вопли в одном из спальных вагонов. Вагон-люкс закрыт на ночь, я не на службе, но все равно иду туда, потому что на один спальный вагон приходится только один проводник, а я новичок и хочу, чтоб все было в порядке. Поднимаюсь туда и вижу: голый парень стоит в коридоре с горячей цыпочкой, прикрывающейся небольшим полотенцем. А рассвирепевшая дамочка в пижаме рвется задушить парня, в то время как Моник – проводница вагона – пытается ее удержать.

– Что произошло – кто-то перепутал купе?

– О, держу пари, муженек желал бы, чтобы все было именно так. Видите ли, того голого парня застукали на месте преступления с любовницей, которой он купил билет через два купе от своего, где он ехал с женой. Он думал, что успешно добавил дамочке в стакан снотворное, чтобы позабавиться, пока та дрыхнет, но жена что-то заподозрила и не выпила таблетку, а проследила за ним и застукала обоих.

– И что было дальше?

– Любовница сошла на следующей станции. А когда я в последний раз видел ловеласа, его избитая задница слезала в Чикаго.

¹⁵ Известная фраза Элвиса Пресли, которую тот постоянно повторял на выступлениях.

Пока Тайрон продолжал рассказывать и работать, из-под его рубашки выскользнула висевшая на шее цепочка. Том заметил, что было на ней.

– Где вы заработали «Пурпурное сердце»?¹⁶

– В Персидском заливе, – ответил Тайрон, пряча цепочку под рубашку. – Служил, получил заряд шrapнели в ногу, когда снаряд попал в наш «Бредли»¹⁷.

– Я освещал ту войну. Там велись более ожесточенные бои, чем можно судить по репортажам, которые крутились по нашему ТВ.

– Для меня они были достаточно ожесточенными.

– Как я понял, вам нравится здесь?

– Ну, работа есть работа. Но она вдобавок и развлечение. Я понемногу отвлекаюсь от рутины каждый день. Весело провожу время с пассажирами и особенно с их детьми. Да, в поездах и в детях есть нечто особенное – они так отлично сочетаются... понимаете, о чем я? – продолжал болтать Тайрон, не переставая трудиться. – Смена три дня подряд, потом четыре выходных. Таков график дежурств на поездах дальнего следования. На тех, которые следуют особенно долгими маршрутами, вроде «Чифа» и «Зефэ», работаешь по шесть с последующими восьмью выходными. Может показаться, что у нас избыток свободного времени, но после шести дней мотаний туда-сюда, туда-сюда начинаешь уставать и требуется отдых. Потому что, когда находишься в поезде, тебя, по сути, могут вызвать в любой момент. Нелегко, но мне нравится. Мы все одна команда, вносим каждый свой вклад и прикрываем друг друга – как семья.

– И вы останетесь в «Кэпе»?

– Не знаю. Я серьезно думаю делать карьеру, двинуть наверх – туда, где крутятся реальные деньги.

– Это где? В менеджменте?

Тайрон расхохотался:

– В менеджменте? Серьезно? Кто зарабатывает – так это носильщики. Чаевыми получают столько денег, будто печатают их.

– Я хочу выпить. Прямо сейчас!

Оба обернулись и уставились на говорившего. Это был мужчина в полосатом костюме-тройке, выглядящий крайне недовольным жизнью.

Тайрон закатил глаза:

– Как поживаете, мистер Мерриузер?

– Я поживаю отвратительно, и я хочу выпить. Виски с содовой. Немедленно.

– Сэр, я еще не открылся. Если бы вы были так любезны заглянуть снова...

Мерриузер сделал шаг вперед:

– Этот джентльмен пьет пиво – полагаю, полученное от тебя. И если ты откажешься открывать бар мне, платежеспособному клиенту, тогда, – он глянул на бейджик, – тогда, *Тайрон*, советую начать искать новую работу, потому что, как только я сойду с этого поезда, тебя уволят.

Он посмотрел на свои дорогие часы:

– Я жду, Тайрон.

– Конечно, сейчас все будет. Без проблем.

Тайрон смешал компоненты и передал стакан мужчине. Мерриузер сделал глоток.

– Побольше виски – вы никогда не наливаете его достаточно. Себе прикарманиваете, что ли?

– Эй, – подал голос Том, – может, тебе стоит проще ко всему относиться?

Мерриузер повернулся к нему:

¹⁶ Военная президентская медаль США, вручаемая погибшим или получившим ранение на службе.

¹⁷ Модель боевой машины пехоты.

– Ты хоть знаешь, кто я такой?

– Да. Ты грубиян и явно гордишься этим.

Мужчина изобразил такую натянутую улыбку, что, казалось, кости вот-вот прорвут кожу.

– Тайрон, скажи ему, кто я. Ты ведь в курсе, не так ли?

– Послушайте, я сейчас доливаю вам виски. Почему бы нам не уладить все миром?

– Я – Гордон Мерриузер. Король коллективных исков. Разозлишь меня – и мы встретимся в суде. И тогда я отниму у тебя все – хотя, судя по тебе, тут мало чего можно взять.

Том шагнул вперед, сжав руки в кулаки.

– О, давай, очень рассчитываю на это. Тогда вдобавок я засажу тебя за решетку.

Тайрон встал между ними:

– Эй, тут так похолодало, словно в поезде пошел снег. Давайте разойдемся. Ведь скоро Рождество. Мистер Мерриузер, вы ведь едете на Рождество домой, к жене и детям, верно? Уверен, вы купили им кучу подарков.

– Я разведен. Мои дети – испорченные сопляки, не заслуживающие ни моей привязанности, ни моих щедрот.

И с этими словами Гордон Мерриузер ушел, попивая виски. Вскоре из коридора донесся его смех.

Том посмотрел на Тайрона:

– Странно, что он не ответил: «Ба, какой вздор!»

Тайрон покачал головой:

– Не стоит связываться с ним. Будете судиться годами. В словаре его портрет находится рядом со словом «кошмар».

– Без обид, но почему «король коллективных исков» едет поездом? Он наверняка может позволить себе личный самолет.

– Насколько я слышал, суровый-и-страшный мистер Мерриузер боится летать. Хорошо бы он купил себе поезд и оставил мой в покое.

– Да, спасибо, что не дали мне засунуть бутылку виски ему в глотку. У меня есть планы на жизнь, и тюрьма среди них не числится.

Тайрон улыбнулся:

– Пожалуйста. Всегда рад помочь.

Том заметил, что Тайрон очень торопится, и решил заканчивать разговор.

– И спасибо за информацию и за пиво.

– Возвращайтесь после ужина. Тогда появятся напитки покрепче.

– О, покрепче. Всегда предпочитал крепкое.

Глава 6

Том вернулся в купе и выглянул в окно; в пять пятнадцать уже смеркалось. Они только что проехали Харперс-Ферри, штат Западная Виргиния, – городок, известный тем, что здесь незадолго до Гражданской войны Джон Браун¹⁸ совершил свой знаменитый налет на арсенал и попал в исторические книги, но окончил жизнь на виселице.

Возле Камберленда, штат Мэриленд, поезд пройдет через Грэмский тоннель длиной примерно в треть мили. Согласно имеющемуся у Тома железнодорожному путеводителю, и вход и выход из тоннеля находились в Западной Виргинии. Тем не менее – как предположил Том, из-за причуд местной географии и начертивших границы штатов геодезистов – сам тоннель относился к Мэриленду. Поезд также проедет знаменитым Камберлендским проходом – той самой брешью в естественной границе Аппалачских гор, которой пользовались стремящиеся на Великие равнины и к Тихому океану первопроходцы. Если бы не эта тропа между скалами, Америка и по сей день могла остаться горсткой тринадцати угнетенных английских колоний.

Следующая после Камберленда достопримечательность – Прыжок Влюбленной. Здесь, согласно легенде, индейская принцесса, которой отец запретил выходить замуж за ее возлюбленного – американского солдата, – в отчаянии бросилась со скалы. Убитый горем индейский вождь, предположительно, последовал ее примеру. Том решил не рассказывать об этой легенде Стиву и Джули – они и так достаточно нервничали.

Том решил, что наконец настало время выследить киношников, прошел в обратном от ресторана направлении и оказался в очередном спальном вагоне. Он успел приноровиться к мягкому покачиванию поезда и гордился тем, что споткнулся только раз, хотя уже трижды мог потерять равновесие. Лэнгдон замедлил шаг. Люксы были маркированы буквами в отличие от пронумерованных обычных купе. Он был уверен, что люди из Голливуда поедут только первым классом – тем более если они известные или скандально известные, – и направился к люксам в надежде, что один из киношников выйдет из своего укрытия, и тогда Том завяжет разговор. Быть может, заодно получит роль в блокбастере с многомиллионным бюджетом и сам станет знаменит.

Лэнгдон дошел до первого купе. Вход оказался плотно занавешен, так что ничего не было видно, хотя он слышал, как кто-то перемещается внутри. Когда он перешел к следующей двери, то заметил, что занавеску чуть отодвинули. Он остановился, обежал взглядом коридор и быстро заглянул внутрь. Купе выглядело словно офис. Там были раскрытый ноутбук, что-то похожее на принтер, удлинитель со стабилизатором напряжения и высокий молодой человек со стрижкой под ежик, в темной водолазке. Когда он повернулся, Том заметил на нем наушники, а в держателе на поясе – мобильный телефон.

Парень не мог быть известным режиссером, не так ли? Он не похож на режиссера – хотя не то чтобы Том хорошо в них разбирался. В таком случае он кинозвезда либо сценарист. Лэнгдон был готов держать пари, что верен последний вариант: в конце концов, у парня обнаружили компьютер и принтер. И он молод и смахивает на хипстера – такие сейчас наверняка пользуются спросом. Ведь все в курсе, что после тридцати люди лишаются гена крутизны, взамен приобретая отвратительную стрижку и удобные туфли.

Лэнгдон перешел к следующему купе и уже собирался заглянуть туда, когда, едва не задев его, дверь изнутри открыл мужчина.

– Прощу прощения, – извинился он.

Том посмотрел на незажженную сигарету в его руке.

¹⁸ Джон Браун (1800–1859) – один из первых белых сторонников отмены рабства в США, поборник вооруженной борьбы за отмену рабства, возглавлявший отряд повстанцев.

– Мне только что сообщили, что курить в купе нельзя.

Лэнгдон по старой журналистской привычке быстро obeжал взглядом говорившего. Среднего роста, за шестьдесят, худощавый, но с намечающимся брюшком. Густые седые волосы, хороший калифорнийский загар, очень дорогая одежда: черные брюки, белая шелковая рубашка, твидовый пиджак, а на ногах ботинки «Бруно Магги». С точки зрения Тома, он сильно смахивал на отдыхающего миллионера.

– Место для курения у них на нижнем этаже, – дал совет Том.

– Что ж, значит, туда и отправлюсь. Уже сто раз пытался бросить. Пробовал никотиновый пластырь, даже гипноз. Ничего не помогает.

– Я раньше выкуривал по две пачки в день, а теперь ограничиваюсь одной сигарой время от времени.

Мужчина заинтересовался:

– Как у вас получилось?

– Ну, от этого зависела моя жизнь.

– Понимаю. Кому хочется умереть от рака легких?

– Нет, я не это имел в виду. Я работал корреспондентом за границей и оказался среди журналистов в атакованном повстанцами конвое. В одну из головных машин угодила снаряд. Охрана сказала нам сохранять спокойствие. Затем ехавший перед нами грузовик взорвался. Охрана сказала нам сохранять спокойствие и оставаться на местах. Затем мина разорвалась прямо рядом с нами, и охрана вновь велела сохранять спокойствие. После чего выпрыгнула и побежала прочь.

– О господи. И что же произошло?

– Очевидно, мы находились в зоне обстрела и вовсе не собирались ждать, пока следующими подстрелят нас. Мы все выскочили и бросились в горы. Один парень из «Рейтер» – ему было лет пятьдесят, и он много курил – не добежал. Повалился на землю – наверное, из-за сердечного приступа.

– Вы остановились помочь ему?

– Я бы остановился, но я тащил раненого – тот подвернул лодыжку и не мог бежать. Пока я взбирался на гору, мои сердце и легкие были готовы взорваться: каждая выкуренная сигара аукнулась тогда. Но мы добрались – еле-еле – до дружественного лагеря.

– А что стало с тем парнем?

– Надеюсь, он скончался от сердечного приступа раньше, чем повстанцы добрались до него: они не славились состраданием. С тех пор я не притрагивался к сигаретам. Конечно, – добавил Том, – я бы не рекомендовал каждому мой метод. Возможны серьезные побочные эффекты.

– Да уж. Ну и история, впечатляет. Военный корреспондент, значит?

– Теперь уже нет. Сегодня самые опасные мои репортажи – это как обустроить гардеробную «для него и для нее» так, чтобы «для него» осталось жизненное пространство, и каковы подводные камни приготовления барбекю в домашних условиях.

Мужчина рассмеялся и протянул руку:

– Рад слышать. Звучит забавно. Между прочим, я – Макс Пауэрс.

Мужчина казался знакомым, а когда он представился, все встало на свои места. Пауэрс и вправду был очень знаменитым режиссером, регулярно попадающим в топ-10 самых влиятельных людей Голливуда. Хотя он был больше известен огромными кассовыми сборами, но также снимал фильмы, которыми критики оставались крайне довольны, неоднократно номинировался на «Оскара» и несколько лет назад получил главный приз.

– Том Лэнгдон. Я смотрел множество ваших фильмов, мистер Пауэрс. Вы знаете, как правильно рассказать историю. И для меня это важнее заумных фраз, которыми бросаются критики.

– Благодарю. Именно это я и стараюсь сделать: рассказать историю, не более. И зовите меня Максом.

Он сунул сигарету в карман рубашки и огляделся:

– Ну а сейчас мы пытаемся собрать по кирпичикам историю о путешествии железной дорогой.

– Это потому, что в поездах есть нечто особенное?

– Верно. Автомобили? Сразу вычеркиваем! Сумасшедшие водители, забитые пробками трассы, вынужденное питание фастфудом? Нет, спасибо. Самолеты безличны и сильно действуют на нервы. Сам я не люблю летать, но по долгу службы приходится. Как-то раз я возвращался рейсом из Канн, мы попали в какую-то мощную турбулентность, и я, занервничав, вышел в уборную и зажег сигарету. Сработала пожарная сигнализация, а после приземления меня отправили в тюрьму. Представляете – в тюрьму! И все из-за того, что я закурил одну сигарету с ментолом без фильтра. С меня содрали тридцать тысяч штрафа и вдобавок заставили заниматься общественными работами.

Он успокоился:

– Но поезда – другое дело. Я урожденный калифорниец, а мой старик работал кондуктором на линии «Санта Фе» еще в те дни, когда поезда считались шикарным способом путешествия. Он мог похлопотать, чтобы я ехал в кабине машиниста. Должен сказать, это самое захватывающее ощущение на свете. С тех пор я знал, что о поездах можно рассказать историю, не похожую ни на одну из существующих. И теперь я наконец занимаюсь этим.

Том поведал ему о рассказе, который он пишет, и о впечатлениях от путешествия поездом.

– Это значит не просто добраться из точки А в точку Б. Главное – не начальный или конечный пункт маршрута, главное – сама поездка. В ней вся суть, – сказал он. – Если только присмотреться, станет ясно, что поезд полон вещей, которые надо увидеть и услышать. Это живая, порой дышащая сущность – надо лишь пожелать узнать ее ритм.

Том сам недоумевал, откуда нашлись все эти слова, но именно это вылилось наружу. Наверное, он начал привыкать к «Кэпу».

Макс радостно схватил Тома за руку:

– Вы совершенно точно поняли, чего я пытаюсь здесь достичь.

Он вдруг хлопнул себя по лбу:

– Мне только что пришла фантастическая идея. Со мной такое все время, Том. Послушайте: вы писатель, вы видели весь свет, и вы едете этим поездом в праздники, пытаетесь уловить пульс Америки.

– Да, и что? – осторожно сказал Лэнгдон. Он понятия не имел, к чему клонит Макс Пауэрс, но, кажется, того захлестнула волна собственных идей.

– А то, что вы должны объединиться с моим сценаристом – я хочу сказать, на время этого путешествия, чтобы провести совместное исследование. Обмениваться заметками, услышанными историями, вместе обмозговывать идеи и все такое. Не бесплатно – я заплачу, уж поверьте.

– Но я уже работаю над рассказом.

– В этом вся прелесть. Вы пишете свою историю – отлично. Но ваши материалы помогут моему сценаристу придумать сюжет фильма. Все идеально. Два зайца одним выстрелом. Понимаете?

Том кивнул. Хотя он отнюдь не горел желанием работать с «десятилетним» любителем наушников. Лэнгдон не был ни юношей, ни хипстером, и если этот парень хотя бы раз назовет его «чуваком» или брякнет «чао!» вместо нормального «пока», дела могут принять дурной оборот.

К удивлению Тома, Макс провел его мимо купе хипстера с наушниками к первому купе и постучал по стеклу:

– Можно войти? Это Макс.

Дверь отъехала в сторону, и в ту же секунду из легких Тома словно вышел весь воздух. Он больше не слышал даже «шшш, жжж, ссс-бум-бах» поезда, поскольку на него глядела Элеонора Картер.

Глава 7

– Элеонора Картер, это Том Лэнгдон. Том, это Элеонора.

Ни Том, ни Элеонора не вымолвили ни слова. Они лишь смотрели друг на друга так долго, что Макс в конце концов спросил:

– Гм, вы уже познакомились?

– Много лет назад, – быстро ответила Элеонора.

Она выглядела еще привлекательней, чем тогда, когда Том видел ее в последний раз, – а планка была весьма высока. Элеонора была высокой, по-прежнему стройной и не остригла коротко свои каштановые волосы, в отличие от многих женщин ближе к сорока. Волосы все так же ниспадали до плеч и выглядели соблазнительно. Что до лица, на нем добавилось несколько морщин, но оно все еще отличалось привлекательностью, доказывая, что его владелица жила полноценной жизнью – такой никогда не добиться женщине с безупречно гладкой кожей. А большие зеленые глаза, как и прежде, повергали в дрожь и вызывали у Тома желание поискать свободный стул, чтобы не рухнуть. На Элеоноре были серые шерстяные брюки, стильные туфли на низком каблуке и белый свитер, из-под которого торчал воротник голубой рубашки.

Тому живо вспомнилась их первая встреча в кампусе. Тогда на Элеоноре были короткие шорты, демонстрирующие длинные ноги, красный топ, шлепанцы и желтая косынка. Он не мог отвести от нее взгляда. И в последующие пятнадцать лет редко отводил. Оба выучились на журналистов и решили работать вместе. Их первым заданием стало расследование для газетки в Джорджии, касающееся легендарного преподобного Маленького Боба Хамфриса, который ездил по Дальнему Югу: от Аннистона, штат Алабама, до Тупело, штат Миссисипи, с остановками в каждой дыре. Преподобный Боб, облаченный в белый костюм, белые туфли и белоснежный пояс, умел лечить больных, успокаивать гневающихся, подбадривать скорбящих и спасать грешников – все это за одну ночь и за очень разумную плату (конкретно – все ваши наличные). Вы могли сколько угодно утаивать от него последние пенни, но преподобный Боб все равно находил их и изымал так очаровательно и любезно, что вы стыдились того, что прятали от него деньги.

Этот святой человек разъезжал в сделанном на заказ автомобиле «Импала» – самом большом из виденных Томом. Как он выяснил, большую часть занимал огромный багажник, в котором мастер добрых дел беззастенчиво возил все подряд: от денег до соленых окороков, а порой и работающих у него ассистентами родственников. Лэнгдону всегда казалось, что преподобный должен состоять в определенном родстве с Герцогом и Королем – печально известными мошенниками из «Гекльберри Финна». Насколько Тому было известно, в отличие от благовоспитанных разбойников Твена, Маленького Боба никогда не выносили из города на шесте в дегте и перьях. Тем не менее обманутые горожане могли бы так с ним поступить, и Бог даже не моргнул бы глазом. Может, даже послал бы им чудо-другое в награду за такое доброе дело.

Тем не менее Том не мог не восхищаться упорством этого человека. В ходе расследования он даже отдал Маленькому Бобу последние двадцать баксов, а ведь Лэнгдон даже не был баптистом. Этого проявления слабости он стыдился до сих пор. Однако в заслугу Элеоноре можно поставить то, что она вернула Тому его наличные: единственный на свете человек, сумевший добиться от преподобного Боба денег не через суд. Их разоблачение шарлатана попало в сводку общенациональных новостей, заработало им репутацию и положило конец его махинациям.

– Как у тебя дела? – спокойно спросила Элеонора.

– Работаю. В последний год в основном здесь, в Штатах, – умудрился выговорить Том.

– Да, знаю. Я читала твои заметки про мебель Дункана Файфа¹⁹ в «Архитектурном журнале». Первая статья об антикварной мебели, вызвавшая у меня смех. Хорошо написана.

Весьма приободренный, Лэнгдон ответил:

– Между нами говоря, когда я это писал, то не мог отличить Дункана Файфа от Дункана Хайнса²⁰, но я зубрил тему как помешанный, а потом спустил все заработанные деньги. Ты меня знаешь.

– Да, я *знаю* тебя.

Она даже не улыбнулась, хотя Макс хихикнул. У Тома засосало под ложечкой, а в горле пересохло: большие изумрудные глаза сверлили его, и в них не было ни капли приязни. Ноги Лэнгдона словно налились свинцом. Ощущение близящейся гибели странным образом принесло ему облегчение, как будто конец будет быстрым и относительно безболезненным.

Он вновь обрел голос:

– Так ты работаешь сценаристом?

– Она одна из топ-секретов Голливуда, – ответил Макс. – Специализируется на исправлении сценариев. Ну, знаете: когда сценарий сильно хромает и срочно нужно чудо? Тогда приходит Элеонора и все волшебным образом исправляет. Она не раз спасала мою задницу, когда писателям А-класса, которым я платил миллионы, случалось облажаться. В пяти моих последних фильмах она переписала практически весь сценарий. Я наконец-то уговорил ее сделать свой, оригинальный.

– Я не удивлен – она всегда потрясающе писала.

На комплимент не последовало никакой реакции – опять. Свинец уже дошел до лодыжек Тома.

– Так в чем дело, Макс? – спросила Элеонора с легким кивком в сторону Лэнгдона. Она явно хотела не погружаться в воспоминания, а поскорее покончить со всем этим – то есть с ним.

– У меня возникла замечательная идея.

Макс объяснял ей «замечательную идею», в то время как Том стоял и задавался вопросом, не броситься ли из окна под колеса поезда. Было кристально ясно, что Элеонора совершенно не рада гениальной мысли режиссера.

Тем не менее она ответила:

– Дай мне поразмыслить, Макс.

– Безусловно. Послушайте, вот что я скажу: давайте попозже соберемся и выпьем. Кто-то подсказал мне, что тут продают алкоголь.

– Да, продают, – подтвердил Том и добавил шутливо: – По сути, весь поезд – огромный бар.

Он бросил взгляд на Элеонору, но та просто смотрела в сторону. Теперь и его руки налились тяжестью.

– Тогда договорились. Встретимся и выпьем, когда – часов в восемь?

– Там же можно и поужинать. У меня забронирован столик на семь.

Том снова поглядел на Элеонору, словно пытаясь взглядом побудить ее сказать, присоединится ли она.

– У меня был поздний ланч в Вашингтоне. Ужин я пропущу, – сказала женщина.

– Да, Том, мне тоже не до еды, – заметил Макс. – Надо сделать несколько звонков.

– Только не голодайте. – По иронии, в этот момент свинец добрался до его рта.

¹⁹ Дункан Файф (1768–1854) – знаменитый американский краснодеревщик, работавший в стиле неоклассицизма.

²⁰ Дункан Хайнс (1880–1959) – американский ресторанный критик, первым начавший составлять рейтинги ресторанов для путешественников.

– Не беспокойтесь, Кристоаль захватил мою любимую еду. К тому же я предпочитаю обходиться перекусами.

– Кристоаль?

– Мой ассистент. Едет в соседнем купе справа, – Макс указал туда, где Том видел «ребенка» в наушниках.

Кристоаль как раз вышел из купе, словно услышав упоминание боссом своего имени через закрытую дверь.

– Что-нибудь нужно, мистер Пауэрс?

– Нет, все в порядке. Это Том Лэнгдон. Он, наверное, поможет нам с проектом.

Кристоаль был ростом с Тома, молод, привлекателен, хорошо сложен, модно одет и, вероятно, зарабатывал за неделю столько же, сколько Лэнгдон за год. Он также выглядел деловитым и интеллигентным, и все это в совокупности вызвало у Тома моментальную неприязнь.

– Замечательно, сэр, – сказал Кристоаль.

Они с Томом обменялись рукопожатием.

– Рад знакомству, – поздоровался журналист, стараясь игнорировать хруст своих зубов.

– Значит, решено, – сказал Макс. – Элеонора все обдумает, а мы соберемся и выпьем в восемь. А сейчас мне надо пойти покурить, пока у меня не началась гипервентиляция, – он стал озадаченно оглядываться.

– Туда, – указал Том. – Через два вагона, пройдете ресторан, далее в вагон-люкс и вниз по лестнице, потом направо – и увидите дверь с надписью: «Место для курения».

– Благодарю, Том, вы просто золото. Знаю, у нас все получится – это знак. Хиромант сказала мне, что произойдет что-то хорошее. Она говорила про случайную встречу. И вот, смотрите. Да, день удался.

Он сунул в рот сигарету и поспешил прочь.

– Ваша зажигалка в правом кармане пиджака, сэр! – крикнул ему вслед Кристоаль.

Макс помахал рукой; Кристоаль вернулся в свое купе-офис. И Элеонора с Томом остались вдвоем.

Несколько мгновений они стояли, не встречаясь друг с другом взглядами.

– Не могу поверить, что это происходит на самом деле, – наконец вымолвила Элеонора. – Что в поезде оказался именно ты.

Она закрыла глаза и медленно покачала головой.

– Ну, я тоже застигнут врасплох, – сказал Том и добавил: – Ты замечательно выглядишь, Элли.

Насколько ему было известно, он был единственным, кто называл ее так. Она не возражала, а Том обожал.

Глаза Элеоноры открылись и сфокусировались на нем.

– Не буду ходить вокруг да около: Макс – чрезвычайно одаренный режиссер, но порой ему приходят в голову странные идеи, которые просто не работают. И я уверена, что данная – из их числа.

– Эй, я случайно наткнулся на этого энтузиаста. Я не хочу заставлять тебя заниматься тем, что не нравится, и, говоря откровенно, еще не обдумал все как следует.

– Значит, я могу передать Макс, что ты не заинтересован?

– Если ты этого хочешь, Элли, то я не против.

Она внимательно оглядела его, и Том ощутил, как съеживается под ее взглядом.

– Именно этого я и хочу.

Она зашла в свое купе и закрыла дверь.

Лэнгдон остался стоять, как статуэтка – обожженная в печи, готовая к грунтовке и росписи. Даже «шшш, жжж, ссс-бум-бах» поезда не могли расшевелить застывшего в неколеби-

мом отчаянии человека. Он задавался вопросом, не поздно ли еще получить обратно деньги за билет на том основании, что стал живым трупом.

Глава 8

Том доплелся до своего купе и рухнул на раскладную кровать. Элеонора едет этим поездом? Не может такого быть. Он никогда не представлял себе, что путешествие к самопознанию окажется совместным с тем единственным человеком на земле, чье исчезновение из его жизни и побудило предпринять эту чертову поездку, во-первых! И тем не менее... кто был виновен в ее исчезновении? Он ведь так и не попросил ее остаться, верно?

Сидя на кровати и уставившись в законный мрак, Лэнгдон внезапно обнаружил себя не в поезде, едущем в Чикаго, – он находился в Тель-Авиве. Они предпочли этот приморский город из-за близости к аэропорту имени Бен-Гуриона – не больше двух часов полета до любых происшествий, которые Элеонора с Томом могли бы осветить. Средний Восток был непредсказуем в своей предсказуемости. Вы точно знали, что что-то произойдет: только не знали, где и как именно.

Марк Твен посетил Святую землю и много о ней писал в «Простаках за границей». Книга была опубликована 1869-м – за год до того, как евреи снова стали селиться в Иерусалиме, и почти за девяносто лет до появления суверенного государства Израиль.

Твен нашел Палестину очень маленькой и писал, что у него «не укладывалось в голове, что у маленькой страны может быть столь богатая событиями история». Том прекрасно его понимал. Место, кажущееся таким грандиозным людям со всего света, можно пересечь из конца в конец на автомобиле за считанные часы. Обнесенный стенами город Иерусалим с первого взгляда показался Лэнгдону не более чем великолепной миниатюрой.

Однако жизненная энергия города и людей, называющих его своим домом, соответствовала его репутации одного из самых притягательных мест на земле.

Они путешествовали по стране в поисках интересных историй, хотя Элеонора хотела впечатлений и лично для себя и однажды даже крестилась в Иордане. Твен тоже плавал в реке после долгой пыльной дороги от Дамаска, хотя больше в силу гигиенических, нежели духовных потребностей. Том с Элеонорой купили иорданской воды в прозрачных бутылках в форме фигуры Иисуса и отправили домой вместе с собранным в древних израильских храмах в жестяную банку святым воздухом. Лэнгдон и раньше знал, что оба сувенира пользовались бешеным спросом среди американских туристов, которые поспешат домой с этими воздухом и водой и принесут их в дар своим церквям. По его предположению, они так поступали в надежде заработать несколько очков в глазах Бога – подстраховаться, так сказать.

За годы жизни в Израиле пара однажды ездила на Рождество в Вифлеем с группой туристов, потому что Элеоноре хотелось увидеть место, где Сын Божий появился на грешный свет. Том не был особо религиозен, но пребывание там, где неподалеку, вероятно, произошло столь важное событие, действовало на него умиротворяюще.

Во время поездки в Вифлеем Марк Твен написал, что все направления христианства, кроме протестантов, представлены часовнями под крышей Храма Гроба Господня. Но он также заметил, что они не осмеливались заходить на территорию друг друга, и это, несомненно, доказывало, что даже могила Спасителя не могла примирить разные верования. Очевидно, кое-что осталось неизменным с тех давних времен, когда Марк Твен ездил паломником в Святую землю.

Они были в числе немногих американских журналистов, отмечающих в Израиле главный христианский праздник. Том с Элеонорой поставили рождественскую елочку у себя в номере, приготовили праздничный ужин и открыли подарки. Затем глядели в окно на темное Средиземное море и наслаждались видами и запахами пустыни, отмечая праздник, который у большинства американцев ассоциируется со снегом, веселым толстяком и потрескивающим

камином. Потом заснули в объятиях друг друга. Проведенные в Тель-Авиве Рождества были одними из лучших в жизни Тома. За исключением последнего.

Элеонора в последний момент вышла из номера за продуктами. Минут через сорок она вернулась и сказала, что хочет отправиться домой, что устала освещать зловещие странности этого странного мира, что пора возвращаться. Сперва Том счел это шуткой. Затем стало ясно, что Элеонора говорит всерьез; собственно, она начала паковать чемоданы у него на глазах. Затем позвонила в авиакомпанию «Эль Аль» и заказала билет. Она попыталась взять билет и для Тома, но тот сказал, что не собирается уезжать. Всего час назад все выглядело таким замечательным. Теперь же он стоял посреди их крошечных апартаментов в нижнем белье, а его жизнь рухнула.

Он спросил, что же такого случилось за последние сорок минут, что она приняла столь важное, судьбоносное решение за них обоих, даже не посоветовавшись с ним. Та ответила лишь, что пора домой. Они разговаривали, разговор перерос в спор, а дальше по нарастающей. К тому моменту, когда Элеонора закончила собираться, они уже кричали друг на друга. Том был так озадачен и выведен из себя, что до сих пор не помнил, что тогда наговорил.

Она поехала на такси в аэропорт, Том с ней. Там их спор продолжился. Наконец настало время подниматься по лестнице, ведущей в автобус. Тогда Элеонора уже спокойным тоном повторно попросила его полететь с ней. Если он действительно любит, он не бросит ее. Том помнил, как стоял там со слезами на глазах, не ощущая ничего, кроме подпитываемого злостью упрямства. Он сказал ей: нет, он никуда не полетит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.